

Серия «История Церкви»

ИСТОРИЯ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА. В 5 томах

Под общей ред. Джузеппе Альбериги, Алексея Бодрова и Андрея Зубова

Том I. Навстречу новой эре в истории католичества

Том II. Формирование соборного сознания

Том III. Сформировавшийся собор

Том IV. Соборная церковь

Том V. Собор – поворотный момент в истории Церкви

РЕЛИГИИ И ЮРИДИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Введение в сравнительное церковное право

Франческо Марджотта Брольо,

Чезаре Мирабелли, Франческо Онида

ИОАНН ЗЛАТОУСТ: проповедник, епископ, мученик

Рудольф Брендле

ИГНАТИЙ АНТИОХИЙСКИЙ

Епископ-мученик и происхождение епископата

Аллен Брент

ГЕННАДИЙ СХОЛАРИЙ.

Патриарх Константинопольский (1452–1456)

Александр Занемонец

ТОТАЛИТАРИЗМ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ. Учебное пособие

Дмитрий Поспеловский

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РУСИ, РОССИИ И СССР

Учебное пособие

Дмитрий Поспеловский

ХРИСТИАНСТВО ВОСТОКА И ЗАПАДА

В поисках зримого проявления единства

Эрнст Суттнер

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ

ГОСУДАРСТВО 1917–1941. Документы и фотоматериалы

Сост. О. Ю. Васильева

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВНОСТЬ

Вторая половина XX века

Архиепископ Михаил (Мудьюгин)

МАРТИН ЛЮТЕР

Введение в жизнь и труды

Ганс Шварц

Heinz Schilling

Martin Luther

Rebell in einer Zeit des Umbruchs

Verlag C.H. Beck

И С Т О Р И Я Ц Е Р К В И

Хайнц
ШИЛЛИНГ

МАРТИН ЛЮТЕР

БУНТАРЬ В ЭПОХУ ПОТряСЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 276
Ш 583

Перевод: Антон Тихомиров и Ольга Хмелевская
Редактор: Антон Тихомиров

Данный перевод немецкого издания книги
Хайнца Шиллинга *Martin Luther. Rebell in einer Zeit des Umbruchs*
публикуется с согласия издательства *Verlag C.H. Beck, München*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Фердинанда Паувелса «Лютер перед Фомой Каэтаном» (1872).
Карты на форзацах и страницах 311, 503 любезно предоставлены
Петером Пальмом (Karten – Peter Palm, Berlin).

Шиллинг Хайнц

Мартин Лютер. Бунтарь в эпоху потрясений / Пер. с нем. (Серия «История Церкви»). — М.: Издательство ББИ, 2017. — xvi + 710 с.

ISBN 978-5-89647-358-9

В преддверии Тридцатилетней войны Лютер представлялся бунтарем, защищающим протестантский мир от контрреволюционных «римлян»; в эпоху Просвещения он рисовался кротким и открытым миру; в начале XIX века национальный Лютер выступал в качестве героического носителя немецкой религиозной глубины... Автор этой книги, впервые вышедшей в 2012 г. и выдержавшей уже четыре издания, ставит своей целью разрушить мемориальный культ Лютера и показать реформатора, его мысль и дело такими, какими они предстают перед сегодняшним человеком, а именно – как свидетельства «того мира, который мы потеряли».

Верстка: Николай Жильцов
Обложка: Надежда Павлючик

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Verlag C.H. Beck oHG, München, 2014
© Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2017
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию xi

ПРОЛОГ: Лютер – человек эпохи веры и перемен. 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДЕТСТВО, УЧЕБА И ПЕРВЫЕ ГОДЫ

МОНАШЕСТВА. 1483 – 1511 9

I. 1483 г. – Пробуждение христианского мира 11

Новые мировые державы – 12, Новое благочестие и модернизированное папство – 18, Партикулярные государства и власти в Европе раннего Нового времени – 22, Рост населения и торговый капитализм – 27, Век наук и искусств – 31, Германский бум – 35, Беспорядки и брожения – 38

II. Детство и юность 42

Сын «бедного рудокопа»? – 42, Строгость и радикализм повседневной жизни в Мансфельде – 49, Школа и учение – 54, Интеллектуальный профиль и характер – 59

III. Кризис и прибежище в монастыре 62

Студенческий кризис и обращение в Штоттернхайме – 62, «Совершенно умер для мира»? – 73, Душевные терзания деятельного благочестия – 78, На службе ордена вплоть до поездки в Рим – 89

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ВИТТЕНБЕРГ И НАЧАЛО

РЕФОРМАЦИИ 1511-1525. 105

I. Виттенберг 106

«На границе цивилизаций» – 106, Рост резиденциального и университетского города – 109, Бастионы, рavelины и крепостные

	<i>рвы – 118, Между монастырем, дворцом и бюргерским городом – 119, Университет и реформа образования – 126, Дружеские и при- ятельские связи – 132</i>	
II.	Элеутериос – рождение свободного Лютера.	137
	<i>Долгий путь к реформаторскому богословию – 137, Римская альтернативная реформа – 146, Тезисы об отпущении грехов – мифы и реальность – 150, «В одиночку сцепился с папистами» – 162</i>	
III.	Реформатор – самоопределение перед церковью, кесарем и империей	176
	1. Шаги к прояснению	176
	<i>Месяцы неуверенности и напряженного ожидания – 176, Оправдание перед орденом и легатом – 178, Поражение в споре с Иоганном Экком – 183, «Настало время говорить» – программные документы Реформации, опубликованные начиная с 1520 года – 187, Никакого решения в последний момент – апелляция к Льву X и исповедание грехов Адриана VI – 195, Пламенный пророк против папского антихриста – 197</i>	
	2. Путь в Вормс	199
	<i>Надежда на юного короля Карла – 199, «Даже вопреки воле всех адских врат» – 205, Триумфальное шествие в телесных муках – 210</i>	
	3. Реформатор и император	215
	<i>Утверждение святой веры или евангельская евангелическая реформа – 215, «Совесть, плененная словом Божьим» – 218, Его величество в плену у великих предшественников – 224, Последующие обсуждения и отъезд – 227, Историческое значение вормских событий – 233</i>	
IV.	Каторжный труд начинается	236
	1. Затворник в крепости и предводитель бунта	236
	<i>На перепутье мировой истории – 236, «Жив ли он еще или они убили его?» – 238, Присутствие в слове и образе – 240, Реформа посредством дворянского меча и народного насилия? – 244, «Евангелие есть закон для добровольцев и свободных» – 250</i>	
	2. Время размышлений и трудов	252
	<i>Повседневная жизнь в Вартбурге – 252, Первые проекты евангелического обновления церкви – 261, «Я был рожден для своих немецких сородичей» – 268</i>	

V.	Борьба за первенство личной интерпретации в собственном лагере.	278
	1. Противостояние «лжебратьям».	278
	<i>Реформация «смуты и мятежа»? – 178, Прибытие в Виттенберг «под намного более высоким покровительством» – 283, Обретение контроля через проповедь – 287, Реформация исключительно путем убеждения – 290, Победа над Карлштадтом и пророками из Цвикау – 293, «Кто не видел в Виттенберге Лютера, тот вообще ничего не видел» – 296</i>	
	2. Против Мюнцера и «разбойничьих банд крестьян»	298
	<i>Свобода: христианская или крестьянская? – 298, Лютер или Мюнцер – 304, Прибежище у власть имущих – 309, Победа Лютера и ее цена – 314, «Его смерть на моей совести» – 320</i>	
VI.	Обустройство в мире – брак, семья, большое хозяйство.	322
	1. Брак как знамение последних времен	322
	<i>Катарина фон Бора – 323, В поисках невесты – 326, Свадьба: осмеянные на земле, воспетые на небесах – 329, Новый опыт повседневности: сексуальность и супружеская любовь – 333</i>	
	2. «Господин Катарин»	340
	<i>«Чтобы доктор делал то, что я хочу» – 340, Большое хозяйство в черном монастыре – 342, Застольные беседы – 347</i>	
	3. Дети – милейший залог супружества	349
	<i>Отцовская любовь – 350, Отцовская строгость – 354</i>	

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: МЕЖДУ УВЕРЕННОСТЬЮ ПРОРОКА И ВРЕМЕННЫМ ПОРАЖЕНИЕМ – 1525-1546 357

I.	Евангелическое обновление церкви и общества.	358
	1. Виттенберг как кафедральный город Лютера	358
	<i>Партикулярная Реформация вместо всеобщей реформы – 258, Старик Лютер – пессимист и неутомимый труженик – 360, Христианские бюргерские добродетели и дисциплина нравов – 363, Душепопечитель и проповедник – 370, За центральной кафедрой протестантизма – 380, В служебных поездках – 383</i>	

2. Виттенбергское богословие между Римом и Цюрихом 392
Культура полемики – 393, Против Эразма и гуманистической свободы воли – 397, Реальность присутствия Христа на земле – Тайная вечеря и крещение – 405, Академическое преподавание – 419, Роза Лютера и почитание Девы Марии – 422
3. За евангельский порядок церкви и христианское воспитание детей 425
Средневековые модели реформы и реформаторский фундамент – 427, Первые шаги церковной общины – Лайпцигское «Положение о кассе» – 431, Саксонский порядок визитаций – 437, Евангелическая община реформа школы и семьи – 445, Катехизис Лютера – 452, Испытание совести и исповедь – 453, Последствия: конфессиональные церкви и культуры Нового времени – 455.

II. «Но у нас, христиан, другой противник»:

- вызовы мира. 459**
1. Воинствующий наблюдатель на заседании Аугсбургского исповедального рейхстага 463
Призыв императора к примирению – 463, В вороньем царстве – 466, Борьба за Confessio Augustana – 471, Маловерие и чувство реальности – 478, Против экуменизма, религиозных переговоров и синода – 482
2. Свобода союзов и сопротивление: библейское политическое учение 490
Назад в Виттенберг – 490, Политический советник в трудное время – 491, О двух царствах и двух властях – 494, Право на сопротивление и Шмалькальденский союз – 499, Против политического католичества и анабаптистов в Мюнстере – 505, Папский синод и «религиозное завещание» – 510
3. Дилемма гессенского двоебрачия. 516
«Неуемная сексуальность» или «конец двойных стандартов»? – 516, Примеры для сравнения из католического лагеря – 520, Пастырство души и политика – 521
4. Экономическое хозяйство, общество и окружающий мир . . . 526
Принцип «занимайте, не требуя возврата» неприменим в этом мире – 526, Против спекулянтов и ростовщиков – 532, Профессия и социальное положение – 536, О ведьмах и цыганах – 542, Поведение христианина в мире – 543

III. Эмоциональный конфликт: между радостью жизни в покорности Богу и апокалиптическими страхами	547
1. Земные радости: картины, поэзия и музыка	549
«Ибо я не сторонник бильдерштурма» – 549, «Когда я пишу, слова сами приходят мне на ум» – 552, «Люблю музыку» – 559, «Чтобы слово Божье пребывало среди народа и через песнопения» – 562	
2. Эсхатологические угрозы: турки и евреи	568
Работы, направленные против турок: история и история спасения – 570, Евреи – повседневный фон – 575, Йозель Розхаймский – 584, Ранние и поздние работы относительно евреев – 589, Водянистая еврейская кровь – 596, Эсхатологическое мышление и защита от иноверцев – 598	
IV. Смерть во Христе: «Мы нищие. Это истина»	603
Поездки в Мансфельд – ради спасения горнодобычи и евангелической церкви – 604, Последние проповеди: против турок, евреев и дьявола – 611, Последние размышления – смерть во Христе – 616, Траурный церемониал, погребение и увековечение памяти – 622, Еще раз о реформаторе и императоре – 631	
Эпилог. Лютер и Новое время: диалектика провала и успеха	638
Новый мир и роль Лютера в его формировании – 638, Конец универсализма – 641, Успех Лютера и его предпосылки – 643, Конфессиональные церкви и конфессиональные культуры Нового времени – 648, Государство и политика – 651, Толерантность и плюрализм – 655, Христиане и иудеи – 658, Свобода и совесть – 660, Вера, открытая миру – 662	
Благодарности	666
Библиография	668
Именной указатель	702

*Palma sub pondere crescit**

* Пальма растёт под грузом (*лат.*); из: Геллий, Аттические ночи, III, 6).

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Среди дюжины переводов (как на западно- и североевропейские языки, так и на польский, словацкий и корейский) данный русский перевод моей биографии Лютера, впервые вышедшей в 2012 г. и выдержавшей уже четыре издания, для меня особенно важен. Он весьма точно отвечает намерениям моего исторического описания жизни и деятельности немецкого реформатора, а также его значения для настоящего времени. В книге речь идет о научной деконструкции немецкого протестантского мифа о Лютере и о реконструкции подлинных исторических взаимосвязей. Миф о Лютере затемнял их на протяжении половины тысячелетия и способствовал возникновению у последующих поколений ложных представлений как о жизни и деятельности Лютера, так и об их влиянии на немецкую историю вплоть до настоящего дня.

Насколько глубоко в сознании был укоренен этот миф о Лютере, показывает то, с какой впечатляющей самоуверенностью ведущий в то время немецкий научный деятель и всемирно известный протестантский богослов Адольф фон Гарнак (1851-1930) еще в 20-е годы мог утверждать: «Новое время началось с Реформации Лютера, а именно 31 октября 1517 г.; вступлением к нему стали удары молотка по двери Замковой церкви в Виттенберге»¹. Такой немецко-протестантский триумфализм сегодня уже преодолен. Пятый столетний юбилей опубликования 95 тезисов против индульгенций 31 октября 1517 г. определяется мемориальной культурой, которая основополагающим образом отличается от той, что господствовала в предшествующих 1617, 1717, 1817 и 1917 гг. Историческая память о Лютере в сегодняшней Германии уже

¹ Цитируется в эпилоге данного издания, см. с. 640.

не носит монархического, она является демократической. В ней господствует не конфессиональное соперничество или тем более вражда, а экуменическая чувствительность и стремление к взаимопониманию между конфессиями. И, наконец, бывшая до того само собой разумеющейся национальная или европоцентричная перспектива сменилась все более глобализированной картиной истории, которая видит в приходе Нового времени и модерна заслугу не только Европы и немецкого протестантизма.

Предлагаемая биография Лютера уже в 2012 г. предостерегала против инструментализации фигуры реформатора в интересах современности: будь они церковной или общественно-политической природы. Он не может просто так стать примером для нашего времени: ни для жизни отдельных людей, ни для общества в целом. Исходным пунктом фактически точной исторической оценки Лютера должна стать, скорее, его чуждость нам, отличие его времени от нашего. Я подчеркиваю, что Лютер и его время нам глубоко чужды. Более того, чтобы постигнуть исторические взаимосвязи XVI века, нужно пробиться через 500-летнюю историю их восприятия, которая много показывала в искаженном свете или просто поддельвала. Поэтому моя биография Лютера написана с такой религиозно-исторической перспективы, которая признает религиозную истину не только за лютеранской формой протестантизма, но отдает должное в не меньшей степени и его противникам: как папской церкви, так и «раскольникам» в протестантском лагере в том числе и швейцарским реформатам, и «радикалам» вроде Томаса Мюнцера или анабаптистов, вплоть до антитринитариев. Она также исходит из того, что Лютер и Реформация важны не только для богословов и церквей, но и для гражданского общества в целом, которое в его современном виде было бы немислимо без радикальных изменений, вызванных Реформацией. Наконец, речь идет о глобальной перспективе: она показывает как религиозные и церковные взаимосвязи в узком смысле, так и культурные, политические и общественные следствия немецкой Реформации в сравнительном контексте всемирной истории².

² Эту тему, намеченную в моей биографии Лютера, я развил в своих новейших работах. См. Heinz Schilling, *1517 – Weltgeschichte eines Jahres*, München (Verlag

Такая сравнительная перспектива предлагаемой биографии Лютера способна помочь и российскому читателю интегрировать в свою картину истории те события, которые начались 31 октября 1517 г. в немецком городе Виттенберг и привели к глубочайшим переменам, прежде всего в латинско-христианской Европе. Отсюда можно сделать двоякие выводы, важные в отношении равно исторического и современно-политического аспектов.

Прежде всего, можно предложить сравнение из области истории богословия и церкви: в латинском христианстве, или в Западной церкви ответом на критику папы со стороны Лютера стала ошеломительная динамика реформ в церквях (и в новых, протестантских, и в Католической!), а также в государстве и обществе. Греко-русское же православие, или Восточная церковь, – если я сужу верно, – осталось полностью не заинтересованным в подобных реформах, не посчитало их нужными и даже вовсе не могло понять стремление западного христианства к таковым. О причинах и особенно о последствиях столь примечательного различия стоит поразмышлять побольше.

Кроме того, эпоха Реформации – помимо ее собственно церковно-исторического контекста – представляет собой особый интерес для российского читателя в отношении истории культуры и социо-политических процессов. Глобально-историческая контекстуализация Лютера и его Реформации показывает, что в противоположность процитированному выше высказыванию Адольфа фон Гарнака, прорыв в Новое время ни к коем случае нельзя сводить только к Виттенбергу и исключительно к Реформации. В начале XVI века основы для глубоких преобразований закладывались и в других концах света³. В особой мере это относится к 1517 г., когда благодаря решениям, принятым весной у Каира и осенью – в католическом Вальядолиде, возникли две враждебные друг другу империи: исламская империя Османов и христианская империя Габсбургов, борьба которых за политическое и религиозно-идеологическое доминирование отдается до сих пор

С.Н. Веck) 2017.

³ Это подробно описывается в: Schilling, указ. соч.; о Герберштейне и России см. гл. 1 § 4 „Eine wagemutige Reise in das andere Europa“, S. 65–83.

и даже приобретает новую актуальность. Так же дело обстояло и с решениями, принятыми в том же году в Пекине, где португальцы, прибывшие в Поднебесную, впервые смогли попасть ко двору императора, однако вскоре они потерпели жестокую неудачу, неосторожно оскорбив космическое обоснование императорских притязаний на власть и их ритуальные символы. А на Западе, на мексиканском полуострове Юкатан, испанцы из Карибского моря вторглись на мексиканскую территорию и, воспользовавшись тем, что майя и ацтеки перепутали их с возвратившимися богами, уничтожили мощь и блеск мезоамериканских культур.

Волна перемен затронула, наконец, и Россию, хотя поначалу и нерешительно: в тот же год, поздней осенью которого в Виттенберге начались процессы, ознаменовавшие собой Реформацию и мощные перемены в западной Европе, при московском царском дворе принимали первое значительное посольство латинско-европейских дипломатов. Правда, миссия Сигизмунда фон Герберштейна, посла императора Максимилиана I, не имела серьезных дипломатических и политических успехов. Но подобно Лютеру и Реформации для латинской Европы, для России и для восточно-православной Европы это путешествие Герберштейна и его многонедельное пребывание в Москве стало поворотным моментом, последствия которого будут ощущаться спустя столетия. Они проложили для России путь в Новое время, хотя и в отдаленной перспективе. Ибо был запущен исторический механизм, который – еще долго с задержками и отступлениями, но никогда уже не поворачивавший в обратную сторону, – связал между собой обе части Европы в политическом и культурном отношениях. С политической стороны и для восточного, и для западного миров речь шла главным образом о вопросе рангов и церемоний. Великий князь Московский принял титул царя / цезаря и тем самым выдвинул притязания на равнозначность с императором и папой на Западе. Этим он также заявил о своем участии в процессе формирования народов и государств, начавшимся в латинской Европе в конце Средних веков.

Герберштейн умело использовал все церемониальные и дипломатические уловки, чтобы избежать подобного церемониального и правового признания такой равнозначности с римским импера-

тором или папой. Однако «Западу» пришлось теперь учитывать, что европейские границы не совпадают с границами латинского христианства. Более того, именно Герберштейн принес в западную Европу первые надежные сведения о до сих пор малоизвестной и потому считавшейся «варварской» части Европы, «расположенной на полночь». Отчет Герберштейна о его путешествии, изданный в 1556/57 гг. на латинском и немецком языках, содержал обширную и, главное, аутентичную информацию о географии, земле и людях, буднях и культуре, религиозных и ритуальных особенностях, политическом устройстве и общественных структурах России. Так были заложены солидные основания для лучшего понимания до сих пор практически неизвестного и потому окутанного мифологической пеленой православного востока Европы, которое в последующие эпохи постепенно углублялось.

Хайнц Шиллинг,
Берлин, Пасха 2017

Все те эпохи, когда царит вера, под каким бы видом она ни представала, – блестящи, они возвышают душу, они плодотворны для своего времени и для последующих эпох.*

И.В. Гёте, «Израиль в пустыне» –
«Западно-восточный диван»

ПРОЛОГ

Лютер – человек эпохи веры и перемен

Мартин Лютер, виттенбергский реформатор, жил в «эпоху, когда царит вера». Да, в период прорыва из Средневековья в Новое время главным образом благодаря ему религия стала той силой, которая на протяжении более чем столетия оказывала мощнейшее влияние на Германию и Европу – «блестяще, возвышая душу и плодотворно», но также мрачно, трагически и разрушительно. Сам Лютер пережил это на себе – в возвышенные часы успеха и надежды на то, что удастся убедить весь мир, и в горькие недели, когда на его глазах дьявол направлял против его дела всю свою зловещую силу. Но он никогда не сомневался в том, что сам Бог призвал его к пророческому служению.

Мартин Лютер, или Лудер, как звучала его фамилия на протяжении первых нескольких десятилетий его жизни, появился на свет 10 ноября 1483 года в Эйслебене, в средненемецком графстве Мансфельд. Не то, чтобы в этот момент в мире не доставало религиозности. Напротив, вряд ли какую-то другую эпоху более волновали вопросы религии и церкви, нежели уходящий XV век¹.

* Перевод Вильгельма Левика. – Здесь и далее под знаком * даются примечания переводчика и редактора.

¹ Moeller, *Frömmigkeit*. В дальнейшем труды Лютера цитируются по Веймарскому изданию на немецком языке с использованием следующих аббревиатур: WW – Werke (труды); WB – Briefe (письма); WT – Tischreden (застоль-

Но это лишь свидетельствовало о тревожном напряжении между дерзкой экспансией римского папства в дела мира сего, с одной стороны, и бедствиями церковного народа, который более не доверял обещаниям блаженства, исходившим из уст клира, и потому неуверенно занимался самостоятельными поисками истины и спасения. И только Лютер дал прочное религиозное основание, которое всякий человек мог понимать как нечто исключительно личное.

Римской церкви также есть за что поблагодарить Лютера. Ведь без виттенбергского вызова она вряд ли с такой решительностью освободилась бы от светского ренессансного папизма и подготовила бы эпоху, для которой вера вновь станет на первое место. Каким бы сильным ни было внутри папской церкви новое сознание, лишь августинскому монаху-бунтарю удалось подарить грядущему Новому времени веру и религию как динамическую силу, способную изменить мир². Многим людям это послужило во спасение и освобождение, но немалому числу оно принесло несчастье и проклятие. Безблагодатная конфессиональная нетерпимость, ставшая уделом многих поколений после Реформации, спрово-

ные беседы); Aland, *Luther Deutsch* (проблематично, поскольку опущенные фрагменты не отмечены, поэтому их нужно будет заменить находящимся на стадии подготовки новым, переработанным изданием под редакцией Томаса Кауфмана); Bornkamm/ Ebeling, *Ausgewählte Schriften* (Inselausgabe, 6 Bde, Frankfurt a.M. 1983); Wartenberg, *Briefe* (Insel-Leipzig 1983). – Основная литература о Лютере и его времени: Brecht, *Martin Luther*, 3 Bde; Beutel, *Luther Handbuch*; Buchwald, *Luther-Kalendarium*; Каталог выставки 1983 года: *Martin Luther und die Deutschen*; Seebaß, *Spätmittelalter*; Kaufmann, *Reformation*. – О немецкой и европейской истории эпохи см.: Kohler, *Von der Reformation*; H. Schilling, *Aufbruch und Krise*; Brady, *German Histories*; о европейском контексте: H. Schilling, *Die neue Zeit*. – Из справочных словарей: *Theologische Realenzyklopädie* (TRE), 36 Bände, Berlin 1977-2004, с подробными статьями по богословско-историческим вопросам и персоналиям.

² Как показали так называемые «конфессионализационные» исследования (Konfessionalisierungsforschung) последних лет, новое сосредоточение на религии и исповедании не привело к ослаблению гуманизма и Ренессанса, а наоборот, высвободило новые силы преобразования и «модернизации» общества. Об этом подробно см. Reinhard, *Abhandlungen*; Schilling, *Abhandlungen*; Reinhard / Schilling, *Konfessionalisierung*.

цировала во многих обществах взрыв непримиримых противоречий, которые повлекли за собой кровавые преследования и нередко даже гражданское противостояние. А во внешней политике такая непримиримость конфессиональных и мировоззренческих систем стала решающим фактором в ожесточенной конкурентной борьбе власть имущих, которая к исходу столетия Реформации достигла своего апогея и вылилась в кровопролитные религиозные и светские войны между европейскими державами³.

Восхищение, которое Гёте испытывал по отношению к эпохам господства веры, а еще более его презрение к эпохам, «когда торжествует свои жалкие победы неверие», как времени, «которое слепит ложным блеском своим»*, но является бесплодным, не просто далеки от секулярной современности, но и попросту чужды ей. Но именно поэтому они способны показать нам, каким образом через пятьсот лет после публикации 95 реформаторских тезисов 31 октября 1517 года нужно излагать биографию Мартина Лютера. Даже такой малопонятный сегодня феномен, что его непростые для восприятия богословские высказывания бросили вызов господствующим убеждениям и были с ликованием восприняты миллионами верующих, может быть понят лишь в том случае, если мы отдадим себе отчет в том, что для Лютера и его современников религия и церковь обладали совсем иной ценностью, нежели для нас сегодня, и что – если прибегнуть к несколько смелому сравнению – люди того времени боялись утратить веру примерно так же, как мы сегодня боимся обвала финансовых рынков или начала мировой войны.

На протяжении столетий виттенбергского богослова представляли предтечей тех или иных актуальных событий и пионером Нового времени. К каждому столетнему юбилею новые поколения придумывали своего собственного Лютера⁴. В 1617 году, в

³ Связь между религиозным подъемом и формированием международной государственной системы описана в: Schilling, *Konfessionalisierung und Staatsinteresse*.

* И.В. Гете, *Западно-восточный диван*, *ibid*.

⁴ Обзор с подробными ссылками на литературу в: Kaufmann, *Reformationsgedenken*.

преддверии Тридцатилетней войны, Лютер представлялся воинственным борцом, который смело защищал протестантский мир от угрозы со стороны контрреволюционных «римлян»; в 1717 году, вместе с зарождающимися идеями терпимости и секуляризма эпохи Просвещения Лютер рисовался кротким и открытым миру; в 1817 и 1917 годах национальный Лютер выступал в качестве героического носителя немецкой религиозной глубины и противника усиления западного влияния якобы поверхностной и мелкой романской цивилизации. Все это имело мало общего с подлинной исторической фигурой. Все эти торжественные комитеты национального или локального значения отмечали не его юбилей, а юбилей некоей «родственной души».

Самое время разрушить этот мемориальный культ и представить Мартина Лютера, его мысль и дело, равно как и идеи и дела его современников, такими, какими они в первую очередь предстают перед сегодняшним человеком, а именно – как свидетельства «того мира, который мы потеряли», или, лучше сказать, мира, который уже не является нашим и потому сталкивает нас с чужими и совсем далекими от нас мирами. Лютер мыслил и действовал как «человек, стоящий между Богом и дьяволом», и в этом качестве должен быть понят той современностью, для которой дьявола больше не существует, а Бог, если и есть, то только на картинках, которые виттенбергскому мыслителю были бы совершенно непонятны⁵.

История делает немалую эмансипационную работу, когда ставит перед глазами столь самоочевидно принимающей себя современности, подобно зеркалу, чуждые ей пространства мысли и жизни, тем самым релятивируя на первый взгляд «безальтернативные» принципы этой современности. Конфронтация с чем-то совершенно другим в собственной истории позволяет допустить принципиальную изменяемость не только материальных условий жизни, но и условий мышления и эмоциональных переживаний человека. Поэтому в дальнейшем нас должен интересовать не такой Лютер, какой рисуется нашему воображению, а тот са-

⁵ Первая цитата: Laslett, *The World We Have Lost*; вторая цитата: Oberman, *Mensch*.

мый «чужой» Лютер, мысли и поступки которого плохо соотносятся с интересами последующих поколений, как бы часто они ни использовались для легитимации поведения современников.

Разумеется, эта чуждость не отменяет, а напротив, стимулирует одновременную комплементарную проработку тех линий и связей, которые связывают труды реформатора и решения, принятые в эпоху Реформации, с последующим развитием Нового времени вплоть до наших дней. При этом, однако, следует быть осторожными и не спешить записывать Лютера в «свои», но различать между намеренными и ненамеренными последствиями его действий. Действия Лютера того времени следует отделять от истории их воздействия – той истории, которая на протяжении столетий интерпретировала его личность и его деятельность исходя из собственных представлений и концепций, тем самым нанося на него все новые слои рецепции⁶, которые теперь следует счищать, подобно тому, как это делает в своей работе археолог.

Именно такая работа, как никакая другая, даже если говорить о Гёте, дает нам аутентичное понимание мыслей и поступков Лютера. Он работал при помощи слова и через слово: написанное слово своих писем, манифестов, памфлетов и богословских исследований и устное слово проповедей, лекций и застольных бесед, которые в большинстве своем дошли до нас в конспектах его слушателей. Поэтому в данной книге будет использовано большое число цитат из работ Лютера со всеми особенностями языка и стиля, характерными для реформатора и его времени⁷. Быстро читающему такое может показаться затруднительным. Но он получит компенсацию в виде цветистого и образного языка Лютера, пышность которого напомнит ему о том, что реформатор жил в одно время с такими людьми, как, например, Гёц фон Берлихинген. К тому же, обращение к аутентичным трудам – самый надежный способ сориентироваться в едва обозримом множестве литературных памятников и определить место автора в церковных и

⁶ На это указывает Альбрехт Бойтель в своем введении под заглавием: «Du sollst dir kein Bildnis machen...», в: Beutel A., *Martin Luther*, Kap. I, 9-21.

⁷ Там, где это представлялось необходимым, язык веймарского издания местами был немного изменен ради лучшего понимания смысла.

политических спорах начала Нового времени, не поддаваясь ни апологетике, ни инсинуациям – таким, как, например, широко распространенное еще несколько десятков лет тому назад убеждение, будто бы Лютер отправился в монастырь для того, чтобы замалчивать вину за убийство⁸.

Однако само по себе обращение к первоисточникам только обнажает проблемы. Не потому, что они тяжелы для понимания, и не потому, что тексты не представляются до конца достоверными: большое веймарское издание, из которого мы черпаем наши цитаты, служит надежным основанием для многочисленных последующих отдельных изданий или переводов, прежде всего, на английский язык⁹. Также и выявленная еще в середине прошлого столетия опасность «за занятиями богословием Лютера потерять его как человека»¹⁰ в значительной степени была преодолена благодаря достигнутой за этот период открытости богословской истории церкви по отношению к мировой истории. Скорее, следует с осторожностью читать и толковать сами источники, причем в особенности те, которые выглядят как личные свидетельства и которые легко внушают читателю иллюзию, что он хорошо понимает Лютера. Его высказывания по поводу возникновения и развития его богословия, которое впоследствии привело к ключевым событиям Реформации, большей частью сформулированы десять или двадцать лет спустя и потому не лишены тех естественных искажений, которые новейшие открытия в области мозга все более подробно описывают как особенность человеческой памяти. Но в первую очередь они произнесены в контексте постреформаторского самосознания и в рамках определенной пропагандистской стилизации, которая еще была чужда монаху-августинцу в 1520 году. Подобное можно точно сказать о его «большом свиде-

⁸ См., напр., попытку в 1981 (!) году связать вступление Лютера в монастырь с произошедшими до этого несколькими убийствами студентов в Эрфурте и к тому же привести в качестве доказательства отсутствие источников на эту тему: Emme, *Luther*, см. прежде всего с. 253.

⁹ Распространенные издания Лютера подробно описаны в статье Johannes Schilling, «Lutherausgaben», TRE, Bd. 36, 594-599.

¹⁰ Bornkamm, *Probleme*, 15.

тельстве о своей жизни», составленном в 1545 году и помещенном в качестве предисловия к первому тому латинского издания полного собрания сочинений, но оно же явно проступает уже и в первой связной самоинтерпретации в предуведомлении к Комментарию на Книгу Даниила, датированному 1530 годом¹¹. Еще более отчетливо эта проблема проступает в так называемых «застольных беседах», которые наложили устойчивый отпечаток на общепринятый образ Лютера. Дело в том, что здесь речь идет не о его собственных или им авторизированных текстах, а о сопутствующих им или написанных позднее творениях его учеников, в которых те стремятся представить Лютера таким, каким они хотели его видеть – догматиком и пастырем, чьи евангелическое учение и благочестивые наставления должны быть сохранены для последующих поколений, или бунтарем против папства и схоластики, как в случае его последнего студента Иоганна Аурифабера, который в 1566 году опубликовал первое собрание застольных бесед¹².

Если мы хотим сделать более понятным «человека во времени и время в человеке»¹³, нам следует в интерпретации особенностей мышления и поведения Лютера опираться не столько на его заказные церковные биографии, сколько на свидетельства современников. Нет сомнений в том, что виттенбергский реформатор оказал огромное влияние на секулярные процессы в Германии и Европе XVI столетия. Но также несомненен и тот факт, что и сам он был продуктом давно начавшихся перемен. Историки все яснее отда-

¹¹ Stracke, *Selbstzeugnis*; Lohse, *Selbsteinschätzung*. – Популярные в последние годы исследования свидетельств о самом себе и «эго-документов» (Ego-Dokumenten) дают мало материала применительно к Лютеру, поскольку систематизация собственной истории происходила у него не от потребности имплицитного или эксплицитного выражения себя, а от осмысления себя спасительным инструментом в руках Божьих. Поэтому посвященные Лютеру пассажи в Gabriele Janke, *Autobiographie als soziale Praxis*, Köln 2002, с неизбежностью носят предельно общий характер.

¹² Junghans, *Tischreden*; Arnold, *Correspondance*. – Фолькер Леппин в дискуссии вокруг своей биографии Лютера справедливо указал на насущную потребность в критике источников. См. его статьи в ARG 99 (2008), 297-307.

¹³ Готтфрид Зеебас еще в 1983 году указывал на крайнюю нужду в подобной биографии Лютера. См. Seebaß, *Luther ohne Goldgrund*, 69.

ют себе отчет в том, что «Новое время» началось не около 1500 года, оно уходит корнями в позднее Средневековье¹⁴. В личности реформатора, как любого другого исторического деятеля, следует видеть две стороны: он подвергся влиянию истории в той же мере, в какой и сам оказал на нее влияние. Жизнь и деятельность реформатора следует рассматривать в широком временном контексте, включающем как позднее Средневековье, так и последовавшую за Реформацией эпоху конфессиональных разделений. Кроме того, в работе историка раннего Нового времени те люди и институты, которые оказывали противодействие начинаниям Лютера, не могут представляться исключительно врагами истины. Императора, пап, католических реформаторов, традиционалистов среди князей, богословов и гуманистов, в первую очередь Эразма Роттердамского, следует рассматривать как самоценные исторические силы и оценивать их с учетом интеллектуально-культурного и социально-политического контекста, в котором они жили.

Лютер предстает бунтарем, с пророческой силой принудившим свою эпоху к принятию решений по базовым экзистенциальным вопросам веры и религии. Своим заявлением «На сем стою и не могу иначе, да поможет мне Бог, аминь», который реформаторская пропаганда сразу же после его выступления в Вормсе в 1521 году начала распространять по всему миру, он сделался для протестантов всех времен историческим героем, бросившим вызов сильному миру сего и ожидавшим, что они последуют за ним. Самое время признать, что и его противники, в особенности молодой император из дома Габсбургов Карл, руководствовались собственными религиозными убеждениями, которых они держались так же твердо, как Лютер своих. Только когда мы отдадим долг исторической справедливости и антиреформаторским проектам, эпоха Реформации, в которой доминировал Лютер, станет более понятной как время «блестящей, отчаянной и успешной» борьбы за правую веру и ее окончательное утверждение.

¹⁴ Об этом подробно см. Schilling, *Neue Zeit*; id., «Umbruch oder Gipfelpunkt einer Temps des Réformes?», in: Moeller, *Die frühe Reformation*, 13-34; Chaunu, *Le temps des Réformes*.